



КЗ. 29/1 89.

Свидетельства человека, прошедшего ад сталинских лагерей

Фамилия Капишниковых в Чаинском районе широко известна. Большая у них семья — восемь братьев и сестер. Правда, один из братьев, Юрий, погиб на своем рабочем посту в Томске. Работал сторожем. Ночью кто-то поджег сторожку. Умер он в больнице от ожогов. Остальные Капишниковы живы, все они ветераны, старость их счастливо украшают внуки. Юрий, Александр и Борис прошли всю войну с оружием в руках, защищая Родину от фашизма. Наградами за трудовую доблесть отмечены те, кому по возрасту воевать не довелось.

Не так давно собрались активисты районного совета ветеранов, обсуждали свои наиболее проблемные. Среди членов совета двое Капишниковых — активистка чаинской комсомолки 30-х годов Анастасия Герасимовна и старый рабочий Гришкинского лесозавода Владимир Алексеевич. Как только зашел разговор о том, что

пришло время и в Чаинском районе воздать должное памяти жертв сталинских репрессий, было видно, как это взволновало Владимира Алексеевича. «Надо в каждом селе вспомнить невинно погибших. Будет по-человечески, если на каждом деревенском погосте появится хотя бы простая могильная плита с именами наших односельчан, которых в недоброе времена вырвали из нашей памяти», — горячо поддержал он предложение об операции «Совесть». Чувствовалось, что и его судьбу обожгла та, ушедшая далеко в прошлое несправедливая жестокость.

Об этом я и спросил Владимира Алексеевича после заседания совета ветеранов.

— Так ведь я живой свидетель тех беззаконий. Без малого 13 лет провел в лагерях рядом со смертью.

Часа три длилась наша беседа, прерываемая иногда минутой борьбы с комом в горле. Вот что рассказал Владимир Алексеевич.

...Отца Алексеем Павловичем звали. Жили родители в Томске. Отец по профессии слесарь, кузнец, на все руки был мастер. В 1920 году был такой лозунг о смычке города с деревней. Отец считал себя сочувствующим большевикам и семьей выехал в деревню Варгатов на Чае. Но там среди местных крестьян-кержаков со своей рабочей профессией оказался не у дел. Переехали в Ермиловку, что поблизости. Раскорчевали они с матерью участок тайги, построили дом, стали крестьянствовать. По сей день в Ермиловском отделении то поле называется «капишниковым». В тот год я и родился.

Помню, жили мы в достатке, хлеб на столе всегда был. К нему в приварок хватало рыбы, грибов, ягод, дичи, ореха. Да и в хозяйстве скотину держали. Страшной трагедией стал 1931 год. Не знаю, сколько спецпереселенцев гибло в дороге, но до Чае и Иксе их доставляли на баржах, неводниках тысячами. Высадят на берег среди тайги, на всех одна пила да топоры.

Обживайся! В землю закапывались. Муки в зиму не всем доставалось даже на болтушку. Нищие толпами ходили, да разве всех милостыней спасешь? Нас тоже в колхоз потянули.

(Из архивных документов. За 1931 год в Чаинском районе умерло 3.720 человек. Около 500 человек скончалось по болезни и старости, причиной остальных смертей был голод. Для сравнения: Великая Отечественная война унесла жизни 2.150 чаинцев).

...Голодным выдался и 33-й год. Правда, нас спасала тайга. Я начальную школу успел закончить. Большую семью надо было кормить. И в свои 13 лет пошел я в промысловики. Ружье мне вручили, стал добытчиком пушینیны, дичи. Кое-что перепало на семейный стол. Отец с матерью в колхозе трудом зарабатывали, на которые маленько отрубей давали. Весь хлеб забирали в поставки.

Тут начали развивать лесопромысловые хозяйства. Первым в Чаинском районе стал Иксинский лесозащитный участок. Отца назначили его начальником. Потом он стал руководить сплаващастком.

Зажили мы лучше, деньги в доме появились.

По совету отца поступил я в Томскую лесотехническую школу. В марте 1937-го отца арестовали. Вместе с ним ночью были арестованы директор леспромхоза Шпаков, главный технорук Антик, председатель рабочего комитета Голубев — коммунисты и беспартийный десятник Трушляков. Отец был кандидатом в члены партии.

Арест проводили начальник райотдела милиции Быков и начальник районного НКВД Кант. Позже оба они попали в разряд «врагов народа» и безвестно исчезли.

Так на нашу семью навесили ярлык «врагов народа». Но я в свои 17 лет разве мог предугадать все последствия? Пацаном еще был. Как-то нашел старый наган барабанного типа, естественно, без патронов. Показал его другу по лесотехнической школе Ване Лютикову. Тот попросил: «Дай поносить». Не знаю, кто донес на Ваню, но буквально на следующий день его арестовали. Прямо с выпускного экзамена вызвали меня. Какой-то товарищ мне предлагает:

«Ничего страшного, давайте проедем в общежитие». Я сразу понял, что дело связано с наганом, все, как есть, выложил по дороге. Привезли в НКВД. Там я следователю Тарасову повторил историю с находкой. Как он кричал, всеми карами угрожал, но воздерживался от физической расправы. Втолкнули меня в подвал здания НКВД, а там битком, на нарах и под ними, сотни полторы арестантов. Началась для меня новая жизнь. Не думал, что надолго.

Утром нас поднял «староста» Пушкин, арестант-уголовник, и провел «профилактическую» беседу: «Беспременно требую подписывать любую бумагу, которую предъявит следователь Галушкин. Иначе будете иметь дело со мной». Поскольку эта угроза была реальной, я убедился в тот же день.

Следователь НКВД Галушкин положил передо мной готовый протокол допроса. Читаю — глазами не верю. Оказывается, мы с Лютиковым были членами подпольной организации,

готовили покушение на Эйхе, распространяли антисоветские прокламации. Кстати, самого Эйхе потом расстреляли, что и сохранило мне жизнь. В конце концов отпало обвинение по статье 58 пункт 2. Осталась 35-я, а это уже не смертный приговор. Но это было потом. Подпись Вани уже стояла под протоколом. Я воспротивился, но тут же был избит. Пришлось подписать. «Тройка» вынесла приговор: 8 лет на тяжелых работ плюс 5 лет поражения в правах.

Полмесяца адской тесноты в скотных вагонах. Наконец Камчатка. Темные подвалы с нарами, с утра до ночи работаем грузчиками. Кормят рыбой вдоволь. Но быстро мы усвоили коварный урок: пресной воды дают строгую норму. Лагерное начальство придумало даже особое развлечение. После того, как мы выпарим из организма, таская с утра до ночи грузы по трапам, все запасы влаги, нас кормят соленой рыбой. Голод не спрашивал совета у головы. Начинаются муки жажды. Люди стонут, кричат: «Воды!» Тут кто-нибудь из конвойных приносит ведро морской воды, черпает ковшем, раздаёт в протянутые руки. Как им смешно было глядеть на страдания людей... Или ночью обольют нас пресной водой. И смеются, как мы высасываем влагу из тряпья.

Закончилась навигация. И нас этапом отправили на Колыму. Магадан, потом еще полтысячи километров пешего пути, где «шаг в сторону — побег». Наконец, речка, по берегам которой разбросаны семь участков золотого прииска. Голая гористая пустыня, покрытая чахлым лесом, болота с избытком ягод,

вечная мерзлота под подушкой мха.

Рубим бараки. Нас разбили на бригады. У каждой свой блок в жилом бараке, своя печка, коллективные нары. Норма расходов дров на блок — 8 килограммов, строго по весу. Вся наша жизнь диктуется нормой. Раз в неделю — помывка в бане, норма — три ковша воды на человека. Выполнил норму (14 граммов намытого за день золота на человека) — получи норму: килограмм хлеба. Все, что выходит из рамок нормы, наказуемо. Для этого в сотне метров от барака срублено специальное помещение изолятора (одни стены без утеплителя и печки внутри).

Взял лишнее полено дров, не так ответил начальству, не выполнил норму, сломал кайло или лоток для промывки золота — ночевать будешь в изоляторе, хоть 40 градусов мороза. Частенько утром из этой страшной избы выволакивали замерзший труп.

Надо сказать, что массовых расстрелов у нас не практиковалось. Достаточно было других способов, чтобы заключенный отправился в мир иной. В первую очередь — мороз и цинга. Строго соблюдался лагерный обряд захоронения. Неподалеку от изолятора была для этого особая траншея. В нее складывали трупы поленницей. Благо, вечная мерзлота и летом сохраняла их неделю-другую. Наберется до краев — траншею выкапывали дальше, присыпая землей участок «поленницы». Умершему привязывали к ноге фанерную бирку с номером, именем, фамилией. И обязательно брали отпечатки пальцев с рук. Если труп был замерзший, его оттаивали в бане, чтобы получились отпечатки.

Обувь делали сами. Из доски выстругивали деревянную подошву, к ней гвоздиками приколачивали брезентовые головки с голенищами. Стельки из мха, портянки, пока были свежими, хоть как-то спасали от лютого холода. Но главное спасение было в движении. Хотя бы из последних сил. До сих пор много раз обмороженные руки, ноги сохранили повышенную чувствительность к холоду. Очень трудно было входить в ритм движения утром, после подъема, построения на разнарядку и выдачу пайка. Завтрак — хлеб и чай, в обед — баланда из овсянки, в которой для вкуса отварили селедку. Ужин — тоже чай. Килограмма хлеба не хватало при усиленной работе в течение 12 ча-

сов на морозе, привычным было ощущение слабости и голода. По праздникам «мению» скрашивал небольшой кусочек мяса нерпы.

Большое значение в лагере придавали соревнованиям. Действенным стимулом была «красная тачка». Я сам ее мастерил и раскрашивал. Утром эту тачку, в которую клали несколько булок хлеба, круг колбасы, лук и литр спирта, устанавливали у всех на виду, на особом помосте. Бригада, добившаяся за день рекордной выработки, вечером получала «красную тачку». Поначалу неопытность некоторых кончалась для них смертью в борьбе за «тачку». Вспоминаю бригадира Орлова. Сам богатырь, умел и выжать из товарищей все силы, до четырех норм делала его бригада. Но уже к началу первой зимы люди обессилили, их косил мороз. Половина бригады легла в траншею.

Добрый словом вспоминаю друга своего, с кем рядом спали на нарах, бригадира Колю Устинова. Он делал все, чтобы сохранить жизнь своих товарищей. И поплатился. Однажды, желая облегчить выполнение нормы на промывке руды, упростил агрегат, сделал легче ручную работу на нем. Об этом стало известно начальству. Николая под конвоем провели через все участки, чтобы все мы видели, потом поставили лицом к стене изолятора и выстрелом в затылок убили.

В одной бригаде со мной отбывал заключение начальник штаба Блюхера Стерн. К ним, бывшим офицерам, отношение было еще более издевательское. Помню, еще на допросе следователь Галушкин хвалился: «Передо мной полковники плакали, не то, что вы». Когда уже началась война, всех бывших военнослужащих вывезли из лагеря. Мы догадывались, что они уезжают на фронт. И завидовали им.

Где-то гремели победные салюты. А в нашей лагерной жизни все шло старым порядком. Только в новых партиях заключенных, приходивших на смену мертвым, теперь были советские военнопленные. Кончался мой срок заключения. Но чем ближе был заветный час, тем больше таяла надежда. То и дело зачитывались приказы: «За нарушение режима... за порчу имущества... за выражение недовольства порядком... такому-то удвоить срок». Мы называли это «гарантинским сроком» по фамилии начальника управления лагерей Гараинна. Не обошел и меня этот приказ в конце 45-го. Лишь в 1950 году, когда и сам Гараинн угодил во «враги народа», я оказался на свободе, пройдя уже в других лагерях изнурительный труд на лесозаготовках. Там и встретил свою будущую жену. Она также прошла испытание лагерями. Познакомились мы накануне освобождения.

Я остался живым. Помогли молодость, закалка с детства и то, что ко всякой работе руки лежали. Отца реабилитировали посмертно, меня — живым. Но сколько невинных не дожили до восстановления справедливости.

Только надо это справедливое дело довести до конца. Всех поименно вспомнить: и жертв, и их палачей. Это долг правды и милосердия. Иногда слышишь: «Зачем копать в давно ушедших временах? Ничего не вернешь». Веру всем нам вернем, если с открытой душой и совестью воздадим память невинно оклеветанным людям. И пусть эту правду рассказывают те, кому вместе со мной посчастливилось дожить до наших дней.

Записал
Я. ВАРКЕНТИН.

Чайинский район.